

Протоиерей В. В. Васильев

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ

Миссия России как удерживающего

Аннотация. В статье рассматривается роль России как удерживающего (κατέχων), как силы, которая препятствует появлению Антихриста и установлению мирового антихристианского порядка. Показывается связь концепции катехона (удерживающего) с идеей Третьего Рима как «царства правды». Рассматривается роль России в удержании мирового православия как с военно-государственной, так и с церковной точки зрения. Предлагается ряд мер, которые позволят России сохранять роль Удерживающего. Среди них — тимократия (τιμοκρατία) — господство духовно-нравственных ценностей, направленное на устранение финансовой олигархии и выдвижение по заслугам нравственного характера. Далее — нравственный контроль общества над государством и нравственный контроль государства над обществом. Затем — легальность власти, уничтожение теневых структур и восстановление традиционной государственности во всей её полноте. Кроме того — всенародное право на средства производства, на землю и недра, неприкосновенность личной собственности и недопустимость частной собственности на средства производства, на ресурсы. Помимо этого — уничтожение деструктивной компрадорской олигархии и создание того промышленного слоя, который будет трудиться на благо России, а не международных финансовых структур. Также — искоренение коррупции и порождающих её причин, очищение отечественной культуры и общественных средств массовой информации от деструктивных и безнравственных текстов, понятий, образов и увольнение порождающих их личностей. Далее — господство десяти заповедей в общественном сознании, первенство православия при уважении и терпимости

к другим традиционным религиям, первенство воспитания над образованием, воспитания человека нравственного и совестливого над профессионалом, поскольку нравственность подразумевает также совестливое отношение к профессиональному росту, сведение к минимуму зазора между моралью и правом. Что мы можем и должны предложить миру, чтобы действительно быть Удерживающим во всей силе и полноте? Первое — это правоприменительная практика. В целом — переход от ортодоксии (православия, правосмыслия) к ортопраксии (правильному действию).

Ключевые слова: государство, Церковь, образование, политика, Удерживающий (κατέχων), ортодоксия, ортопраксия, нравственность, правосознание, тимократия

Для цитирования: Василий В. В., протодиак. Миссия России как удерживающего // Ортодоксия. — 2025. — № 2. — С. 108–123. DOI: 10.53822/2712-9276-2025-2-108-123

Наше современное образование страдает, во-первых, от отсутствия мировоззренческой составляющей, фундаментальных идей концепций, от своей подчинённости убогому утилитаризму, высшей целью которого, по словам недоброй памяти бывшего министра образования А. А. Фурсенко, является «подготовка квалифицированного потребителя», во-вторых — от отсутствия плана будущего, ибо для него всё — «здесь и сейчас». Для исправления подобной ситуации необходимо введение в образование серьёзных и глубоких историософских концепций, в частности — концепции России как Удерживающего.

Преподобный Максим Исповедник в своих творениях учит, что время на своей глубине не есть процесс уничтожения и тления, а напротив — восстановления и обновления. Можно с известной осторожностью спроецировать эту богословскую концепцию на историческое время, на «историю, которую нам Бог дал». России, на наш взгляд, был дарован жребий «удерживающего», тот крест, который она несёт и поныне.

Возникает законный вопрос: а кто есть удерживающий (κατέχων) церковного Предания? У святого апостола Павла есть одно таинственное место во Втором послании к Фессалоникийцам, где он говорит:

«Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь» (2 Фес. 2:7). Существовали и существуют различные толкования этого места и, соответственно, разные богословские концепции: для одних теологов это — благодать Святого Духа, как, например, для Севериана Гавальского, для других — мощь и организованность Римского государства, как для блаженного Августина.

Наиболее полное и глубокое толкование дал свят. Иоанн Златоуст: «Справедливо всякий может, во-первых, спросить, что такое удерживающее (το κατέχων) (ср.: 2 Фес. 2:7), и потом обнаружит желание узнать, почему так неясно говорит об этом Павел? Что же такое, что не допускает открыться ему, то есть препятствующее? Одни говорят, что это благодать Святого Духа, а другие — римское государство; с этими последними я больше согласен. Почему? Потому что если бы апостол хотел говорить о Духе, то не выразился бы об этом неясно, но сказал бы определённо... Но так как апостол говорит это о римском государстве, то понятно, почему он только намекает на это и до времени говорит прикровенно. Он не хотел навлечь на себя чрезмерной вражды и бесполезной опасности... Ибо тайна беззакония уже в действии» (Иоанн Златоуст 1991: 230).

Итак, Римское государство Рим является удерживающим.

Но возникает вопрос: а какой Рим? Забегая вперёд, скажу, что есть Четвёртый Рим — Соединённые Штаты Америки. Там есть Капитолий, их государственный герб — Римский одноглавый орёл... С таким Римом нормальным людям не хочется иметь ничего общего в силу его гиперагрессивности, предельной коррумпированности и лицемерной политики.

Каков образ Рима, который переносится от государства к государству? Во-первых, это торжество законности. *Dura lex, sed lex*. Во-вторых, это высокая личная и семейная мораль: мораль долга, верности и чести. И лишь в третью очередь это мощь и организация государства. И, наконец, это мир, который Рим нёс окрестным народам — *Pax Romana* (Зелинский: 200. 10–25).

Отцы Церкви и Её учителя, начиная с Мелитона Сардийского, говорили о том, что Христос воплощается тогда, когда создаётся Римская империя (Сидоров 1996: 187). Созидание Церкви и становление Империи суть синхронные процессы. Это замечательно воспела поэтесса преп. Кассия:

Когда Август над землёю воцарился,
 Многовластие человеков прекратилось,
 Когда Бог вочеловечился от Чистой,
 Многобожие кумиров упразднилось.
 Под единственным царством всемирным
 Города пребывали.
 Божества же державу едину
 Все народы познали.
 Повелением Кесаря
 Записалась вселенная,
 И Божественным именем
 Днесь записаны верные. (Перевод В. В. Василика)

Однако, помимо Первого Рима, вначале языческого, а затем приведённого Константином Великим к христианству, существовал ещё, по выражению Сергея Сергеевича Аверинцева, другой Рим (Аверинцев 2005).

Византийская, а лучше сказать Ромейская империя дала миру пример удивительного синтеза горячей религиозной веры, государственной мощи, глубоко развитой законности, утончённого интеллектуализма и высокой, богатой культуры. Одна из основополагающих идей — симфония Церкви и государства. «Един Бог, един василевс, едина Империя!» — восклицали ромеи. Во-вторых, при перенесении на мир человеческий она утверждала теснейшую связь божественного и человеческого, церковного и государственного, мирского и духовного, в духе Халкидонского собора с его оросом — «исповедуем Одного и Того же Христа в двух природах неразлучно, нераздельно, сходящихся в одной ипостаси» (Василик 2016: 103). Как говорил св. император Юстиниан, «величайшими у людей дарами Божиими, данными свыше по человеколюбию, являются священство и царство. Первое служит делам божественным, второе начальствует и наблюдает над делами человеческими; и то, и другое происходит от одного начала и гармонично обустроивает жизнь человеческую — и ничто так не важно для царствующих, как почёт иереев, которые за них вечно молят Бога. Ибо если первое будет совершенно безукоризненным и удостоится у Бога благорасположения, а второе будет по справедливости и подобающим образом обустроивать порученное ему государство, то наступит некое доброе согласие (συμφωνία — симфония), которое обеспечит все какие ни есть блага роду человеческому».

Положим, это идеал, который неоднократно нарушался, но он был. И когда Римейская империя пала, частично из-за внешнего давления, прежде всего — мусульманского, частично из-за внутреннего разложения, связанного с коррупцией — богатством частных лиц и бедностью государства, формированием хищной и деструктивной олигархии, то настало время Третьего Рима.

Но следует сказать, что часто в плане Божественного Промысла существует некое приуготовление. И история домонгольской и монгольской Руси — это также история Удерживающего и, конечно, спасение христианского мира от кочевых нашествий — печенежского, половецкого и, разумеется, монгольского. Как отметил А. С. Пушкин, «России определено было высокое предназначение... Её необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабождённую Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией» (Пушкин О ничтожестве литературы русской Т. 6 1962: 350). Однако Пушкин забыл упомянуть о другой, не менее значимой заслуге России в начале монгольского периода — спасении православного просвещения и православия в целом от латинства: если на южном фланге православного мира римо-католикам удалось прорваться и захватить Константинополь в 1204 году, то на фланге северном св. князь Александр Невский и его воинство железной стеной встали на пути псов-рыцарей и не дали им захватить Новгород. И святой князь Александр промыслительно разглядел антихристианскую сущность католического Запада, его свирепый и неуёмный натиск на Восток («Drang nach Osten»), его желание ассимилировать и покорить народы, и не только языческие, но и православные. И, напротив, он ясно осознал ту истину, что татарам нужны дань и покорность, но русскую душу они не тронут, поскольку они веротерпимы и безразличны к духовной жизни покорённых народов. Им нужна материя, а Западу — душа русского человека, которую Запад пытался и пытается пересоздать по своему образу и подобию.

Александр Невский сделал выбор между внешним и внутренним рабством, между внешним порабощением и внутренним растлением. Но промыслительно это внешнее рабство в конечном счёте привело русский народ не только к великой духовной свободе, несравнимой с тем, что имели и имеют другие народы, но и к небывалому государственно-му величию, когда, по выражению святителя Николая (Велимировича),

самый кроткий народ унаследовал самую великую землю и стал хозяином одной шестой части света (Василик 2019: 15–16).

Святой благоверный великий князь Александр Невский — наш учитель в верности православию. Вспомним его слова, сказанные римским легатам: «От Адама до семи Вселенских соборов всё по порядку сведения, а от вас учения не приемлем. Идите, откуда пришли». Он — наш учитель Правде Божией. Со словами «Не в силе Бог, а в правде» он выходил с малой дружиной и побеждал великие и страшные вражеские полки.

Говоря о роли Удерживающего, необходимо выделить две линии. Первая — военно-государственная, вторая — церковно-духовная.

И с точки зрения церковно-духовной, следует отметить, что допетровская Русь являлась светильником православия. Многие знают о Первом и Втором Южнославянском влиянии на Руси, но немногие — о Первом Восточнославянском влиянии на Балканах (XII–XIII века), когда в Болгарии и Сербии почитали св. равноапостольного князя Владимира и св. страстотерпцев Бориса и Глеба, а жития св. Стефана (Симеона) Немани, отца св. Саввы Сербского создавались на основе... «Слова о Законе и благодати» митр. Илариона Киевского (Турилов 2011). И само Второе Южнославянское влияние на Руси произошло в результате исхода многих деятелей Pax Slavia Orthodoxa на Русь в результате османского нашествия, когда она стала своеобразным ковчегом спасения для православного мира. И следует отметить, что Русь сказала своё слово в трагические годы Флорентийской унии (1437–1439). Когда в 1439 году император Константинопольский Иоанн Палеолог и греческая иерархия предали православие, то русская делегация тихо ушла с собора. А затем великий князь всея Руси Василий Васильевич восстановил честь православия и неповреждённость догматов, отвергнув митрополита-кардинала, униата Исидора и с позором изгнав его. Именно с этим связано обретение нами автокефалии. То, что Константинополь пытается представить как дело бунта, было на самом деле актом послушания Церковной истине и спасения православия в его подлинной целостности. Вскоре после провозглашения русской автокефалии пал Второй Рим: за неделю до его взятия турками столп света вышел из храма Святой Софии, что и православные, и турки расценили как знамение того, что Бог отвернулся от ромеев. А почти чрез 60 лет после падения Константинополя старец Филофей пишет великому князю Василию Ивановичу: «Первый Рим пал ересью Аполлинария, второго же Рима, Константинова града, церковные двери внуки агарян секирами и топорами рассекли, а эта теперь же третьего,

нового Рима, державного твоего царства святая соборная апостольская церковь во всех концах вселенной в православной христианской вере по всей поднебесной больше солнца светится, — так пусть знает твоя державность, благочестивый царь, что все православные царства христианской веры сошлись в едином твоём царстве: один ты во всей поднебесной христианам царь» (Филофей 2005: 100).

Однако идея Третьего Рима явилась не просто заявкой на государственную мощь, на глобальное господство, но из уст старца Филофея прозвучало требование праведного царства. В своём послании он обрушивается на пороки русского общества — на коррупцию и содомию (что, к сожалению, весьма актуально и для нашего времени). Старец свидетельствует, что лишь тогда начнётся «Третий Рим цветущий», когда мы станем соблюдать Господни заповеди. И, соответственно, эпоха «могучих Иоаннов» — Иоанна III и Иоанна IV Грозного — отмечена попыткой создать праведное царство — Третий Рим. Да, этой попытке сопутствовали свои грехи, свои заблуждения, которые и привели к Смутному времени. Но тем не менее она была и наложила свой неповторимый отпечаток на историю конца XV — начало XVI века и на становление русской государственности в целом.

На наш взгляд, в отечественной историософии недостаточно глубоко понимается XVII век, в особенности Смутное время, восстание Богдана Хмельницкого, Русско-польская война и раскол. Полагаем, что все эти события отражают цельный глобальный процесс, связанный с борьбой за православие, за его восстановление в Малороссии и укрепление его в целом во всём мире. Смутное время, с одной стороны, явилось следствием соединённой интриги Ватикана, польского короля и изменной части русского боярства, а с другой — яростной жажды воли и власти, охватившей в начале XVII века все сословия Московской Руси. «Природный воскресший царевич» — выражение народной мечты о свободе и добром царе-отце, но без государства, без поборов, без казней и опал — появился для того, чтобы возглавить бунт против российского самодержавия и растущего абсолютизма, против отмены Юрьева дня и закрепощения крестьян, с одной стороны, против резкого ограничения возможностей высшей знати — с другой и, наконец, — против неправомерного положения мелкого провинциального дворянства и злоупотреблений служилой бюрократии. Отметим, что бунташный раскол явился законным чадом Смутного времени, и вопрос в нём стоял не о вере, но о воле и власти. Цену за этот отнюдь не бессмысленный, но

беспощадный бунт Смуты Россия заплатила страшную — разорением половины страны и гибелью трети населения — и это заставило бунтарей притихнуть, а народ — прильнуть к самодержавию как к своему естественному защитнику, как к Удерживающему. С другой стороны, освобождение Москвы в 1612 году явилось победой над воинствующим католицизмом, и от 22 октября 1612 года протягивается невидимая духовная нить к 8 января 1654 года — к Переяславской раде, знаменовавшей свободу православной Малороссии от римо-католического и польского рабства.

И параллельно с этим происходят такие замечательные события, как церковные соборы XVII века (Ясский 1642 года и др.), благодаря которым преодолеваются католицизм и филокатолицизм и, в частности, ошибочные представления малороссийской иерархии об исхождении Святого Духа от Отца и Сына и времени освящения Святых Даров.

Недостаточно глубоко понимаются также события XVIII века, в частности — Северная война. Хотя Пётр Великий и говорил, что она велась не за веру, всё же в известный момент она стала религиозной войной за православие. Когда войска Карла XII двинулись на православную Малороссию, в целом оставшуюся верной русскому царю, и стали разорять и осквернять православные храмы, то Пётр I под Полтавой спас не только жизнь своей державы, но и русское, а тем самым и мировое православие. И сама эпоха Петра Великого характеризуется не только победой над филокатолицизмом, столь популярным при царице Софье и Голицыне, но и постепенным преодолением протестантизма. И в высшей степени важно то, что происходит в XVIII–XIX веках: параллельно с кристаллизацией православного богословия Россия утверждает себя как покровительница православных народов и выводит их из турецкого рабства к свободе и православной государственности. И то, что наблюдаем мы в XX веке во время Русской революции, когда Россия преодолевает чужие заблуждения, когда изживает западные яды атеизма и материализма. В ней в результате образуется то, что вовсе не планировали архитекторы переворота, в частности торжествует идея соборности (Кожин), хотя, к сожалению, официально — без Бога. Однако атеизм зачастую являлся лишь формальной оболочкой режима, поскольку, как известно, «без Бога ни до порога»: очень многие партийцы с чёрного хода приходили в Церковь, исповедовались и даже причащались. В целом социализм был заявкой на «царство правды», при всех различиях внутренне родственное тому, о чём писал старец Филофей. Не случайно гомосексуализм до самого конца Советского Союза был уголовным преступлением,

а с коррупцией в его лучшие времена беспощадно боролись. И, самое главное, Советский Союз осмыслялся как пространство свободы и братства, как светильник освобождения для всего мира. Не случайны строки Осипа Мандельштама:

Да, я лежу в земле, губами шевеля,
 Но то, что я скажу, заучит каждый школьник:
 На Красной Площади всего круглей земля,
 И скат её твердеет добровольный,
 На Красной Площади земля всего круглей,
 И скат её нечаянно-раздольный,
 Откидываясь вниз — до рисовых полей,
 Покуда на земле последний жив невольник.
 (Мандельштам 1990: 308–309)

И была Великая Отечественная война, которая представляет собой удивительную параллель войне 1812 года. Есть много схожего в их истории, но главное в другом — в их смысле. Война двенадцатого года была своеобразным наказанием русского общества за его увлечение ложными плодами европейского просвещения и культуры. Французы воочию показали свою «культурность» и «цивилизованность»: о них достаточно говорят пляски на антиминсах, лошади в кремлёвских соборах, расправы над ранеными и пленными. Святитель Иларион Троицкий писал: «Как будто для того, чтобы отрезвить русское общество от рабского увлечения Западом и от безрассудного пренебрежения Церковью, Промысл Божий послал великое бедствие Отечественной войны. Просвещённые французы пришли в Москву, ограбили и осквернили народные святыни, показав тем самым изнанку своей европейской души. Увы! Этот тяжёлый урок не пошёл в пользу русскому обществу. Лишь немногие русские люди во время Отечественной войны поднимали голос протеста против французского воспитания и за возвращение к прежней, самобытной русской православной жизни. “Опаснее для нас дружба и соблазны развратного народа, чем вражда их и оружие... Очевидный, исполненный мерзостей, пожарами Москвы осиянный, кровью и ранами нашими запечатлённый пример напоследок нам должен открыть глаза и уверить нас, что мы одно из двух непременно избрать должны: или, продолжая питать склонность нашу к злочестивому народу, быть злочестивыми его рабами, или прервать с ним все нравственные связи,

возвратиться к чистоте и непорочности наших нравов и быть именем и душою храбрыми и православными россиянами”. Так проповедовал перед самым императором Александром Шишков! Но другие в то же время наблюдали, как урок войны проходит без пользы для России. “Одно пугает меня, — писала М. А. Волкова, — это то, что несчастья не служат нам уроком; несмотря на всё, что делает Господь, чтобы обратить нас к Себе, мы противимся и пребываем в ожесточении”. В России увлечение французским после войны не стало сколько-нибудь слабее; оно, может быть, даже усилилось» (Иларион Троицкий: 2004: 55).

Пред Великой Отечественной войной в части советского общества, нацеленной на мировую революцию, бытовала наивная надежда, что немецкий пролетарий устроит революцию и воткнёт штык в землю. Другая часть рассчитывала на то, что немцы — культурная, цивилизованная нация. Соотечественники Маркса и Энгельса воочию показали, что нам следует ждать от «немецкого пролетариата» и «культурной Германии»: виселицы, сожжённые деревни с людьми, убитые дети, у которых забирали последнюю кровь, трупы младенцев в концлагерях, осквернённые церкви, храмы, сожжённые вместе с прихожанами, дорожки, выстланные иконами от Новгородского музея до туалета (Ковалев 2004: 134). Духовным результатом той и другой войны во многом явилось прозрение русского (советского) общества, возвращение его части к православной вере, к ценностям патриотизма¹.

В Великую Отечественную войну исполнились пророческие слова А. С. Пушкина, сказанные о войне 1812 года:

И ненавидите вы нас...
 За что, ответствуйте, за то ли,
 Что на развалинах пылающей Москвы
 Мы не признали наглой воли
 Того, пред кем дрожали вы?
 За то ль, что в бездну повалили
 Мы тяготеющий над царствами кумир
 И нашей кровью искупили
 Европы вольность, честь и мир?
 (Пушкин Клеветникам России Т. 2 1962: 187).

¹ Василий Владимир, протоиерей. О двух Отечественных войнах // Православие и мир. — 2011. — 22 июня. — URL: <https://www.pravmir.ru/o-dvux-otechestvennykh-voynax/> (дата обращения: 29.06.2025).

Всё, к сожалению, повторяется. Как Европа XIX века, так и нынешняя ответили ненавистью и неблагодарностью русскому воину-освободителю. Об этом остаётся скорбеть и всё же надеяться на вразумление и покаяние гордого европейского человека.

И, соответственно, разве не простирается это искупление также и на весь цивилизованный европейский мир, притом что в 1941 году, как и в 1812-м, нам пришлось воевать, по сути дела, со всей Европой, либо порабощённой, либо одурманенной Гитлером, причём для того, чтобы освободить её и от этого рабства, и от этого дурмана? Страшно подумать, во что превратился бы мир, если бы он весь пошёл за Гитлером, если бы в нём воцарился нацизм.

И после войны Советский Союз играл роль Удерживающего, не позволяя Соединённым Штатам распространить свою масонскую бесчеловечную диктатуру на весь мир и удерживая нашу цивилизацию от кошмара ядерной войны.

Однако концепция Удерживающего связана не только со славным прошлым, но и с настоящим, и, главное, с будущим. Это тот образ будущего, те вечные ценности, которые мы должны принести не только России, но и всему миру. Современная западная цивилизация навязывает миру аморализм, технократию, кастовость. Так называемый социализм Клауса Шваба предлагает следующий миропорядок: наверху — каста мудрых (совершенно как по Платону), у которой есть всё, внизу — пролетариат, плебс, у которого нет почти ничего и который представляет собой низшую расу.

Что мы можем и должны предложить миру, чтобы действительно быть Удерживающим во всей силе и полноте? Первое — это тимократия (τιμοκρατία) — господство духовно-нравственных ценностей, направленное на устранение финансовой олигархии и выдвижение по заслугам нравственного характера. Второе — нравственный контроль общества над государством и нравственный контроль государства над обществом. Третье — легальность власти, уничтожение теневых структур и восстановление традиционной государственности во всей её полноте. Четвёртое — всенародное право на средства производства, на землю и недра, неприкосновенность личной собственности и недопустимость частной собственности на средства производства, на ресурсы. Пятое — уничтожение деструктивной компрадорской олигархии и создание того промышленного слоя, который будет трудиться на благо России, а не международных финансовых структур. Шестое — искоренение

коррупции и порождающих её причин. Седьмое — очищение отечественной культуры и общественных средств массовой информации от деструктивных и безнравственных текстов, понятий образов и увольнение порождающих их личностей. Восьмое — господство десяти заповедей в общественном сознании, первенство православия при уважении и терпимости к другим традиционным религиям. Девятое — первенство воспитания над образованием, воспитания человека нравственного и совестливого над профессионалом, поскольку нравственность подразумевает также совестливое отношение к профессиональному росту. Десятое — сведение к минимуму зазора между моралью и правом как в правовом сознании, так и в правоприменительной практике. В целом — переход от ортодоксии (православия, правосмыслия) к ортопраксии (правильному действию). Если мы сможем на деле явить России и миру подобный образ будущего, тогда мы победим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Аверинцев С. С. Другой Рим. — СПб. : Амфора, 2005. — 366 с.
- Василик В. В. Россия и европейский империализм. — СПб. : Алетейя, 2019. — 224 с.
- Василик В. В. Церковь и Империя в византийских церковно-поэтических памятниках. — СПб. : Алетейя, 2016. — 640 с.
- Зелинский Ф. Ф. Римская Империя. — СПб. : Алетейя, 2000. — 486 с.
- Иларион (Троицкий), сщмч. Грех против Церкви (Думы о русской интеллигенции) // Творения: в 3 т. — М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2004. — 320 с.
- Иоанн Златоуст. Толкование на послания к Фессалоникийцам // Иоанн Златоуст. Творения. — Т. 11. — М., 1991. — 420 с.
- Ковалёв Б. Н. Немецкая оккупация и коллаборационизм в России. — М. : Аст. Транзит, 2004. — 450 с.
- Максимович К. А. Церковные новеллы св. императора Юстиниана I (527–565 гг.) в современном русском переводе: Из опыта работы над проектом // Вестник ПСТГУ. I : Богословие. Философия. — 2007. — Вып. 17. — С. 17–44.

Мандельштам О. С. Творения: в 2 т. — Т. 1. Стихотворения. — М., 1990. — 637 с.

Филофей, старец. Послания // Библиотека литературы Древней Руси. — Т. 10. — СПб. : Наука, 2005. — С. 150–170.

Православный социализм : сб. статей. — СПб. : Алетейя, 2025. — 486 с.

Пушкин А. С. О ничтожестве литературы русской // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. — Т. 6. Критика и публицистика — М. : Государственное издательство художественной литературы, 1962. — С. 407–413.

Пушкин А. С. Клеветникам России // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. — Т. 2. Стихотворения. 1822–1836. — М. : Государственное издательство художественной литературы, 1959. — С. 339–340.

Сидоров А. И. Курс патрологии: возникновение церковной письменности. — М., 1996. — 349 с.

Турилов А. А. От Кирилла Философа до Константина Костенецкого и Василия Софьянина. — М. : Индрик, 2011. — 448 с.

Фроянов И. Я. Октябрь семнадцатого. — СПб., 1997. — 159 с.

Сведения об авторе:

Владимир Владимирович Василик — протодиакон, профессор СПбГУ, доктор исторических наук, кандидат филологических наук, кандидат богословия, директор Центра исторической психологии при кафедре истории славянских и балканских стран Института истории СПбГУ, e-mail: fvasilik@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 24.02.2025; одобрена после рецензирования 03.03.2025; принята к публикации 11.03.2025.

Protodeacon V. V. Vasilik

SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY,
SAINT PETERSBURG, RUSSIA

Russia's Mission as the Restrainer

Abstract. The article examines the role of Russia as the Restrainer (κατέχων) — the force that prevents the advent of the Antichrist and the establishment of a global anti-Christian order. It highlights the connection between the concept of the katechon (Restrainer) and the idea of the Third Rome as a “kingdom of truth”. The role of Russia in preserving global Orthodoxy is considered both from the military-state and the ecclesiastical perspective. A number of measures are proposed that would allow Russia to maintain its role as the Restrainer. Among these are timocracy (τιμοκρατία) — the rule of spiritual and moral values aimed at eliminating the financial oligarchy and promoting advancement based on moral character. Further, moral oversight of the state by society and moral oversight of society by the state are envisioned. In addition, the legality of power, the elimination of shadow structures, and the restoration of traditional statehood in its entirety are emphasized. Also proposed are: the nationwide right to the means of production, to land and natural resources; the inviolability of personal property; and the inadmissibility of private ownership of the means of production and of resources. Other measures include the dismantling of the destructive comprador oligarchy and the creation of an industrial stratum that would work for the benefit of Russia rather than international financial structures; the eradication of corruption and its causes; and the purification of national culture and mass media from destructive and immoral texts, concepts, images, and from the individuals who generate them. The article also emphasizes the primacy of the Ten Commandments in public consciousness; the preeminence of Orthodoxy, coupled with respect and tolerance for other traditional religions; and the primacy of upbringing over

education — of raising a moral and conscientious person over training a professional, since morality also implies a conscientious attitude toward professional growth — thus minimizing the gap between morality and law. What, then, can and must we offer the world in order truly to be the Restrainer in all its force and fullness? First and foremost, law-enforcement practice. More broadly, the transition from orthodoxy (right belief) to orthopraxy (right action).

Keywords: state, Church, education, politics, Restrainer (κατέχων), orthodoxy, orthopraxy, morality, legal consciousness, timocracy

For citation: Vasilik V. V., protodeacon. (2025). Russia's Mission as the Restrainer. *Orthodoxia*, (2), 108–123. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2025-2-108-123

REFERENCES:

Averintsev, S. S. (2005). *Drugoi Rim [Another Rome]*. Saint Petersburg : Amfora. [In Russian].

Vasilik, V. V. (2019). *Rossiya i evropeyskiy imperializm [Russia and European Imperialism]*. Saint Petersburg : Aleteiya. [In Russian].

Vasilik, V. V. (2016). *Tserkov' i Imperiya v vizantiyskikh tserkovno-poeticheskikh pamyatnikakh [Church and Empire in Byzantine Church-Poetic Monuments]*. Saint Petersburg : Aleteiya. [In Russian].

Zelinskiy, F. F. (2000). *Rimskaya Imperiya [Roman Empire]*. Saint Petersburg : Aleteiya. [In Russian].

Hilarion (Troitsky), hieromartyr. (2004). *Greh protiv Tserkovi (Dumy o russkoy intelligentsii) [Sin Against the Church (Reflections on the Russian Intelligentsia)]*. In *Tvorenya in 3 volumes*. Moscow : Sretenskiy Monastyr'. [In Russian].

Ioann Zlatoust. Tolkovanie na poslaniya k Fessalonikiytsam [John Chrysostom. Commentary on the Epistles to the Thessalonians]. (1991). In *Ioann Zlatoust. Sobranie sochineniy [John Chrysostom. Collected Works]*. (Vol. 11). Moscow. [In Russian].

Kovalev, B. N. (2004). *Nemetskaya okkupatsiya i kollaboratsionizm v Rossii [German Occupation and Collaborationism in Russia]*. Moscow : Ast. Transit. [In Russian].

Maksimovich, K. A. (2007). *Tserkovnye novelly sv. imperatora Yustiniana I (527–565 gg.) v sovremennom russkom perevode: Iz opyta raboty nad proektom [Church Novels of the Holy Emperor Justinian I (527–565)]*

in Modern Russian Translation: From the Experience of Working on the Project]. *Vestnik PSTGU. Bogoslovie. Filosofiya*, 1(17), 11–14. [In Russian].

Mandel'shtam, O. S. (1990). *Stikhotvoreniya* [Poems]. In *Collected Works in Two Volumes*. (Vol. 1). Moscow. [In Russian].

Filofey, starets. Poslaniya [Filofey the Elder. Epistles]. (2005). In *Biblioteka literatury Drevney Rusi*. (Vol. 10, pp. 150–170). Saint Petersburg: Nauka. [In Russian].

Pravoslavnyy sotsializm: sb. statei [Orthodox Socialism: Collection of Articles]. (2025). Saint Petersburg : Aleteiya. [In Russian].

Pushkin, A. S. (1962). O nichitozhstve literatury russkoy [On the Insignificance of Russian Literature]. In *Pushkin A. S. Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected Works in 10 Vol.]. (Vol. 6, *Kritika i publitsistika*, pp. 407–413). Moscow : Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury. [In Russian].

Pushkin, A. S. (1959). Klevetnikam Rossii [To the Slanderers of Russia]. In *Pushkin A. S. Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected Works in 10 Vol.]. (Vol. 2, *Stikhotvoreniya. 1862–1836*, pp. 339–340). Moscow : Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury. [In Russian].

Sidorov, A. I. (1996). Kurs patrologii: vzniknovenie tserkovnoy pis'mennosti [Course in Patrology: The Emergence of Church Literature]. Moscow. [In Russian].

Turilov, A. A. (2011). Ot Kirilla Filosoфа do Konstantina Kostenetskogo i Vasiliya Sof'yanina [From Cyril the Philosopher to Konstantin Kostenetsky and Vasiliy Sofyanin]. Moscow : Indrik. [In Russian].

Froyanov, I. Ya. (1997). Oktyabr' semnadsatogo [The October of Seventeen]. Saint Petersburg. [In Russian].

About the author:

Vladimir Vladimirovich Vasilik — protodeacon, Professor at Saint Petersburg State University, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Philological Sciences, Candidate of Theology, Director of the Center for Historical Psychology at the Department of History of Slavic and Balkan Countries, Institute of History, Saint Petersburg State University, e-mail: fvasilik@mail.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 24.02.2025; accepted after reviewing 03.03.2025; approved for publication 11.03.2025.